

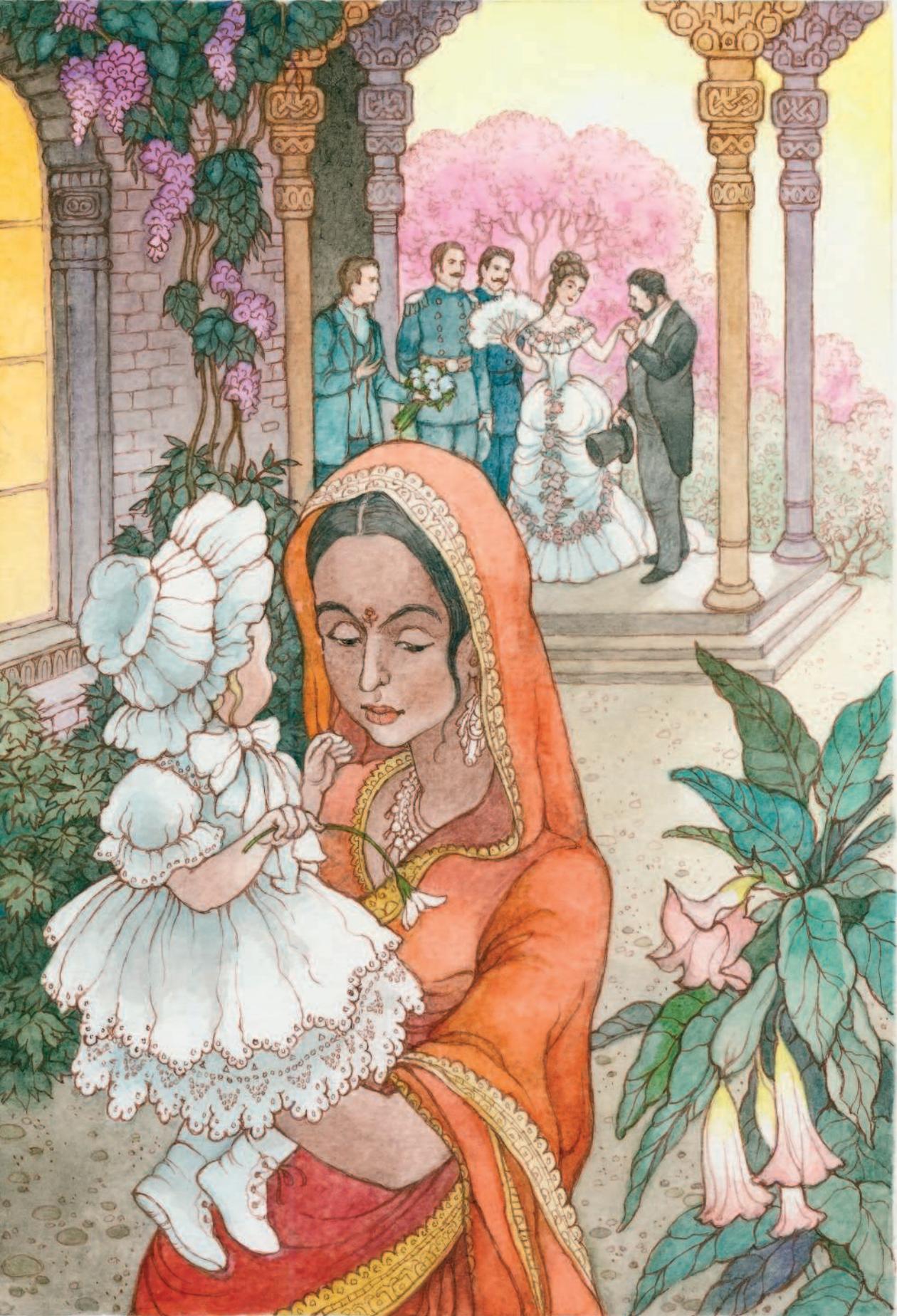

Фрэнсис
Бёрнетт

Таинственный

сад

Глава I

Когда Мери Леннокс прислали жить к дяде, в Миссельгуэйт-Мэнор, все говорили, что она самый неприятный ребенок, какого им когда-либо приходилось видеть. Это была правда.

У нее было маленькое худое лицо и маленькое худое тело. Волосы у нее были белокурые, жидкие, а лицо, с вечно кислым выражением, желтое, потому что она родилась в Индии и вечно хворала то тем, то другим.

Отец ее состоял на службе у английского правительства, всегда бывал очень занят и тоже часто хворал, а мать ее была красавица, которая любила только бывать в гостях и веселиться в кругу веселых людей. Ей вовсе не нужен был ребенок, и, когда родилась Мери, она поручила уход за нею туземной служанке, или айэ, которой дали понять, что если она желает угодить мем-саиб*, то ребенок не должен попадаться ей на глаза.

Мери не помнила, чтобы когда-либо видела близко что-нибудь, кроме смуглого лица своей айэ или других туземных слуг; а так как все они всегда повиновались ей и позволяли ей делать все по-своему, потому что мем-саиб могла рассердиться, если бы ее обеспокоил крик ребенка, то шести лет от роду Мери была величайшей эгоисткой и тиранкой.

* Так называют в Индии белых женщин.

6

Молодая гувернантка-англичанка, которую взяли, чтобы научить Мери читать и писать, так невзлюбила ее, что через три месяца отказалась от места, а когда являлись другие гувернантки, то они уходили через еще более короткое время, чем первая. И если бы Мери самой не захотелось выучиться читать и писать, то она никогда не имела бы возможности научиться даже азбуке.

В одно страшно жаркое утро — ей тогда было уже около девяти лет — она проснулась особенно злая и разозлилась еще больше, когда увидела, что служанка, стоявшая возле ее постели, была не ее айэ.

— Зачем ты пришла? — сказала она чужой женщине. — Я не позволю тебе остаться тут. Пришли мне мою айэ!

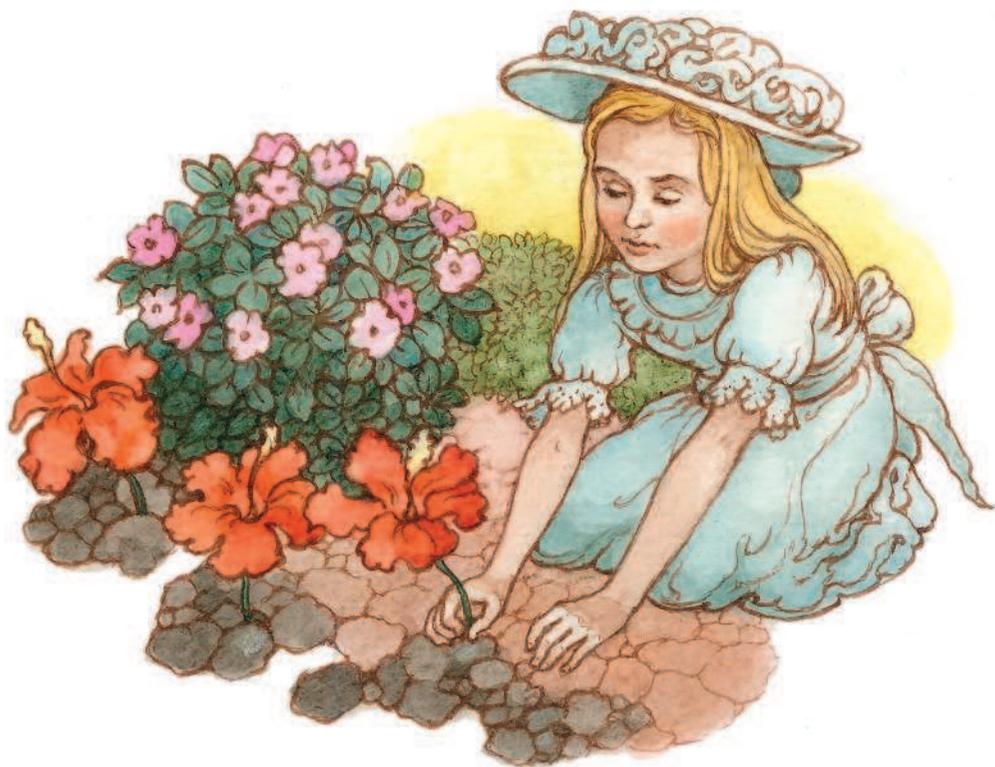
У женщины был испуганный вид, и она пробормотала, что айэ не может прийти, а когда Мери в неистовстве стала бить и толкать ее, она только испугалась еще больше и повторила, что айэ невозможно прийти к мисси саиб.

В это утро в самом воздухе точно носилось что-то таинственное. Ничего не делали обычным порядком, и некоторых из туземных слуг вовсе не было видно, а те, которых Мери видела, двигались торопливо или украдкой, с бледно-серыми испуганными лицами. Но ей никто ничего не говорил, и ее айэ все не являлась.

Утро проходило; скоро она осталась совсем одна, наконец вышла в сад и стала играть тоже одна под деревом, около веранды. Она делала вид, что устраивает цветочную клумбу, и втыкала большие ярко-алые цветы в маленькие кучки земли, все больше и больше раздражаясь и бормоча себе под нос все то, что собиралась сказать саиди, все те бранные слова, которыми собиралась обозвать ее, когда она вернется.

— Свинья! Свинья! Свиное отродье! — говорила она, потому что назвать туземца свиньей — это самое худшее оскорбление.

Она скрежетала зубами, повторяя эту фразу, когда услышала, что на веранду вышла ее мать еще с кем-то. Это был

белокурый молодой человек, и оба они стояли и говорили какими-то странными тихими голосами.

Мери знала белокурого молодого человека, похожего на мальчика; она слышала, что он был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии.

Девочка глядела на них обоих, но более пристально глядела на свою мать.

Она всегда это делала, когда только представлялся случай видеть ее, потому что мем-саиб — Мери часто звала ее именно так, а не иначе, — была такая высокая, стройная, красивая дама и носила прелестные наряды. У нее были волосы, как волнистый шелк, красивый маленький нос, презрительно вздернутый, и большие смеющиеся глаза. Одежда ее всегда была легкая и развевающаяся и, как выражалась Мери, «полна кружев».

В это утро на ней было больше кружев, чем всегда, но глаза ее не смеялись; они были такие большие и испуганные и умоляюще глядели в лицо молодого белокурого офицера.

— Неужели дело так плохо? Неужели? — услышала Мери ее вопрос.

— Ужасно! — дрожащим голосом ответил молодой человек. — Ужасно, миссис Леннокс! Вы должны были уехать в горы две недели тому назад.

Мем-саиб стала ломать руки.

— О, я знаю, что должна была сделать это! — воскликнула она. — Я осталась только для того, чтобы пойти на этот глупый званый обед! Как я была глупа!

В эту минуту из помещения слуг раздался такой громкий вопль, что она ухватилась за руку молодого человека, а Мери задрожала с головы до ног. Вопль становился все более диким.

— Что это? Что это? — прошептала миссис Леннокс.

— Кто-то умер, — ответил молодой офицер. — Вы не говорили, что болезнь появилась среди ваших слуг!

— Я не знала! — воскликнула мем-саиб. — О, пойдите со мной, пойдите со мной!

Она повернулась и убежала в дом.

После этого наступило нечто ужасающее, и Мери стало ясно, почему это утро было такое таинственное.

Появилась холера в самой тяжелой форме, и люди умирали, как мухи. Айэ заболела ночью, и слуги вопили в своих хижинах, потому что она только что умерла. Ночью умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе бежали. Всюду царил паника, и во всех бунгало были умирающие.

На следующий день, во время тревоги и смятения, Мери спряталась в детской, и все забыли о ней. Никто не думал о ней, никому она не была нужна, и вокруг происходило нечто странное, о чем она не имела понятия.

Часы проходили, и Мери попеременно то спала, то плакала. Она знала только, что люди хворали, и слышала таинственные и пугавшие ее звуки.

Раз она прокралась в столовую, которая оказалась пустой, хотя на столе стоял недоконченный обед; стулья и тарелки имели такой вид, как будто их поспешно отодвинули

в сторону, когда люди по какой-то причине внезапно поднялись из-за стола.

Мери поела фруктов и сухарей и, чувствуя сильную жажду, выпила стоявший на столе стакан вина. Оно было сладкое, но девочка не подозревала, что оно очень крепкое. Ее скоро начало клонить ко сну, и она пошла обратно в детскую и опять заперлась там, испуганная криками, которые неслись из хижин, и звуками торопливых шагов. Вино нагнало на нее такой сон, что глаза ее закрылись помимо ее воли; она легла на постель и точно потеряла сознание.

Очень многое произошло за те долгие часы, что она спала таким тяжелым сном, и ее не разбудили ни вопли, ни шум в бунгало, где что-то вносили и выносили.

Когда она проснулась, то продолжала лежать неподвижно, пристально глядя на стену. В доме была полнейшая тишина; она не помнила, чтобы когда-либо прежде в нем царило такое безмолвие. Она не слышала ни голосов, ни шагов и думала о том, все ли уже выздоровели от холеры и прошла ли беда.

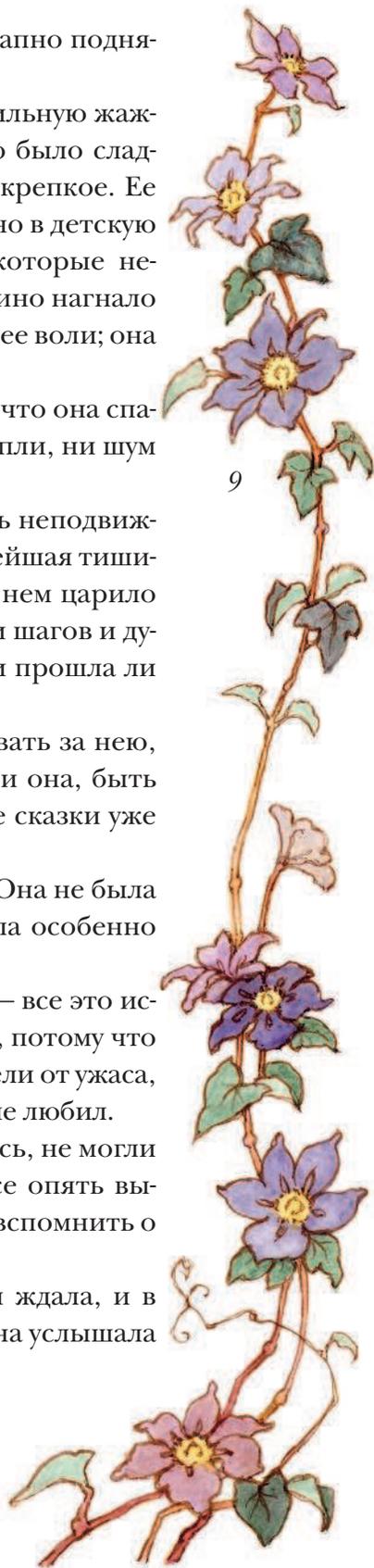
Думала она и о том, кто теперь будет ухаживать за нею, ведь ее айэ умерла! Вероятно, будет новая айэ, и она, быть может, будет рассказывать новые сказки; старые сказки уже достаточно надоели Мери.

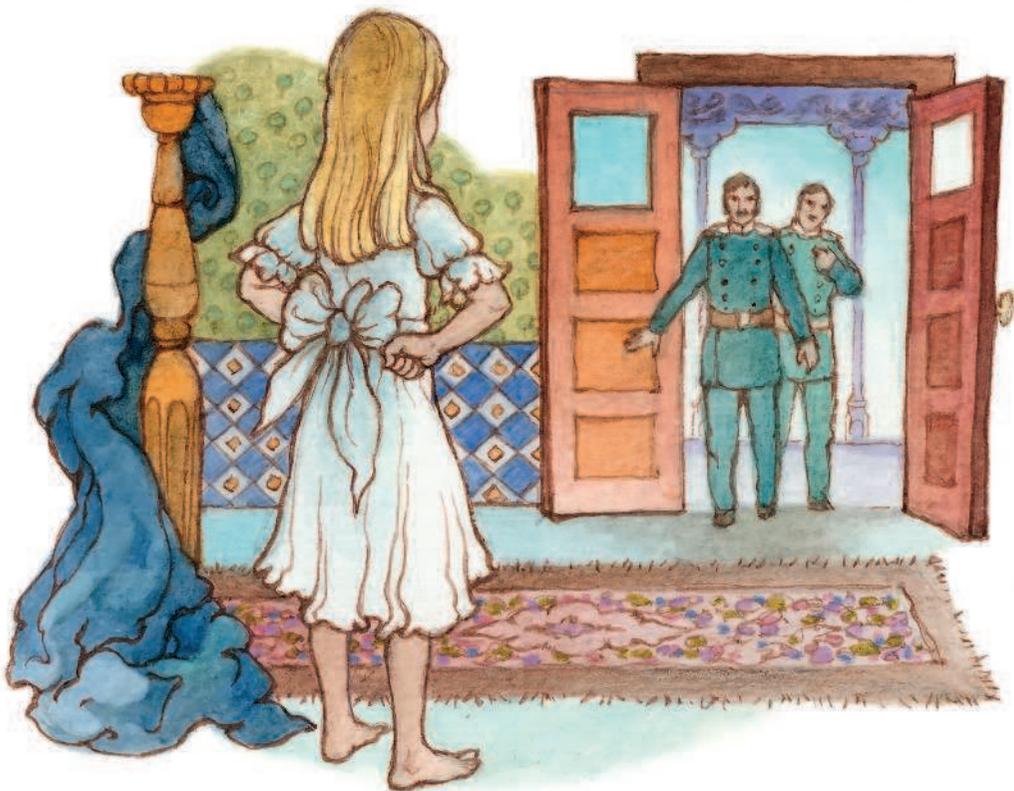
Она не плакала о том, что умерла ее нянька. Она не была любящим ребенком и никогда ни к кому не была особенно привязана.

Шум, беготня, вопли по умершим от холеры — все это испугало ее, и, кроме того, она была очень сердита, потому что никто не вспомнил, что она жива. Все так обезумели от ужаса, что никто не подумал о девочке, которую никто не любил.

Когда люди заболели холерой, они, казалось, не могли думать ни о ком, кроме себя самих. Но если все опять выздоровели, то, конечно, кто-нибудь должен был вспомнить о ней и отыскать ее.

Но никто не приходил, и она все лежала и ждала, и в доме, казалось, становилось все тише и тише. Она услышала

какой-то шорох на циновке и когда взглянула на пол, то увидела маленькую змейку, скользившую по полу и глядевшую на нее похожими на драгоценные камни глазами.

Мери не испугалась: это было безвредное маленькое существо, которое ничего не могло ей сделать. Змейка, казалось, торопилась выбраться из комнаты, и Мери видела, как она скользнула под дверь.

— Как странно и тихо! — сказала Мери. — Как будто в доме никого нет, кроме меня да змейки.

Почти в ту же минуту она услышала шаги в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги: мужчины вошли в дом и о чем-то тихо заговорили. Никто не вышел им навстречу, никто не заговорил с ними; они, казалось, открывали двери и заглядывали в комнаты.

— Какое опустошение! — сказал один голос. — И эта красивая женщина... да и ребенок, я думаю, тоже! Я слышал, что был ребенок, хотя его никто никогда не видел.

Когда они несколько минут спустя открыли дверь, Мери стояла посреди детской, некрасивая и злая, нахмутив брови, потому что была голодна, и чувствовала себя как-то позорно брошенной.

Первый человек, вошедший в комнату, был высокий офицер, которого Мери однажды видела у своего отца. У него был усталый и озабоченный вид, но, когда он увидел ее, он был так поражен, что чуть не отскочил назад.

— Барней! — крикнул он. — Здесь ребенок! Ребенок, один! В таком месте! Боже мой, да кто она такая?

— Я Мери Леннокс, — чопорно сказала девочка, выпрямляясь во весь рост. Человек этот показался ей очень грубым, потому что назвал дом ее отца «таким местом». — Я уснула, когда все были больны холерой, и только что проснулась. Отчего никто не приходит?

— Это тот ребенок, которого никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обращаясь к своему спутнику. — О ней на самом деле все забыли!

— Почему обо мне забыли? — спросила Мери, топая ногой. — Почему никто не приходит?

Молодой человек, которого звали Барней, грустно посмотрел на нее. Мери даже показалось, что он мигнул глазами, точно смахивая слезу.

— Бедная крошка! — сказал он. — Некому прийти: никого не осталось.

Таким странным и неожиданным образом Мери узнала, что у нее не осталось ни отца, ни матери, что они умерли и были увезены ночью и что те туземные слуги, которые остались в живых, поспешно покинули дом и никто из них даже не вспомнил, что у них была мисси-саиб. Поэтому-то в доме было так тихо; в нем действительно никого больше не было, кроме самой Мери да маленькой змейки.

Глава II

Мери любила издали глядеть на свою мать и считала ее очень красивой; но так как она очень мало знала ее, то едва ли можно было ожидать, что она будет тосковать по ней, когда ее не станет.

Она ничуть не тосковала по ней и так как всегда была углублена в самое себя, то ее помыслы и теперь, как обыкновенно, были сосредоточены на себе самой. Будь она старше, она бы, вероятно, очень беспокоилась при мысли, что осталась совсем одна на свете, но она еще была очень мала, и так как о ней всегда заботились, то предполагала, что это всегда будет так.

Думала она только о том, попадет ли она к хорошим людям, которые будут с ней обращаться вежливо и во всем уступать ей, как это делала ее айэ и другие туземные служанки.

Мери знала, что не останется навсегда в доме английского священника, куда ее взяли в первое время. Ей не хотелось оставаться там. Английский священник был беден, и у него было пятеро детей, чуть ли не однолеток, которые ходили в лохмотьях, всегда ссорились и таскали игрушки друг у друга. Мери ненавидела их неопрятный дом и так дурно обращалась с ними, что через два дня никто не хотел играть с нею.

— Тебя отошлют домой через неделю, — сказал ей однаж-

ды Базиль, мальчик пастора, с дерзкими голубыми глазами и вздернутым носом, которого Мери ненавидела. — Мы все очень рады этому.

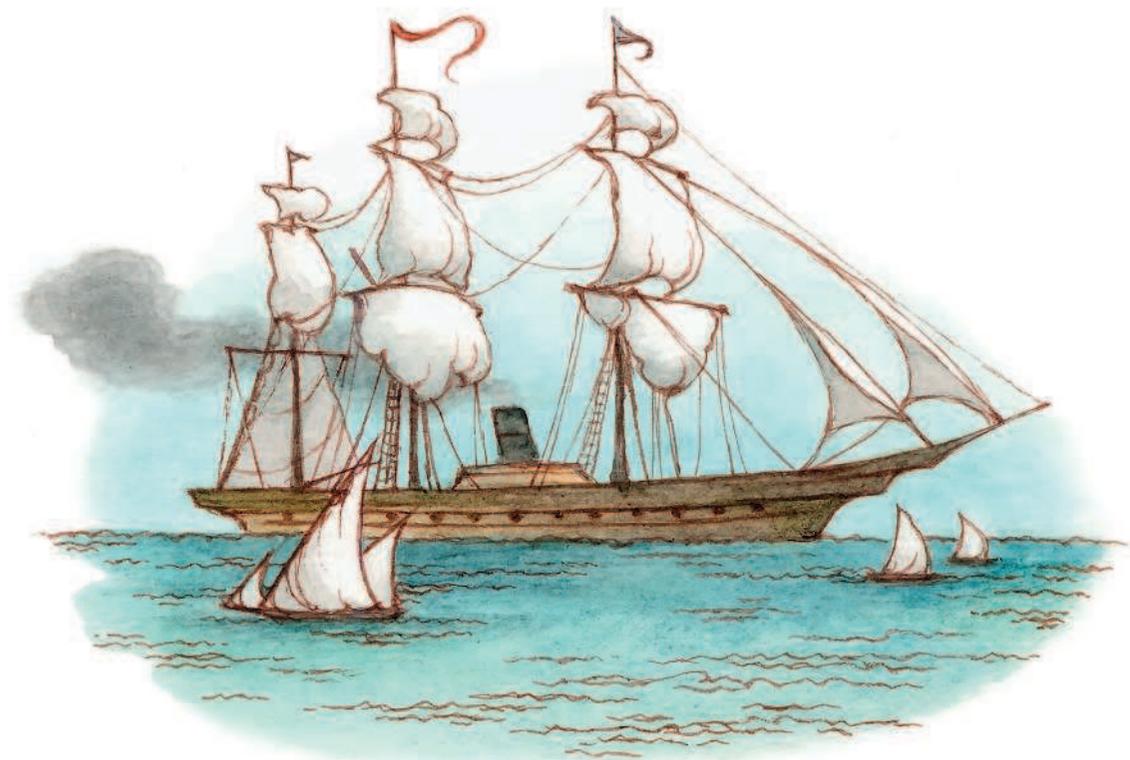
— И я тоже рада, — ответила Мери. — А где это такое «домой»?

— Она не знает, где это? — презрительно сказал семилетний Базиль. — Это, конечно, Англия. Наша бабушка живет там, и в прошлом году туда послали сестру Мабель. А ты поедешь не к бабушке; у тебя ее нет. Ты поедешь к своему дяде; его зовут мистер Арчибальд Крэвен.

— Я никогда про него не слыхала, — огрызнулась Мери.

— Я знаю, что не слыхала, — ответил Базиль, — ты ничего не знаешь. Девочки обыкновенно ничего не знают. Я слышал, как папа и мама говорили про него. Он живет в громадном заброшенном старом доме в деревне, и никто к нему не ходит. Он такой сердитый, что никого к себе не пускает, а если бы и пустил, то никто бы не пришел. Он горбун и страшный-страшный.

14

— Я тебе не верю, — сказала Мери, отвернувшись от него и затыкая уши пальцами, потому что не хотела больше слушать.

Но она все-таки очень много думала об этом; а когда миссис Кроуфорд в тот же вечер сказала ей, что через несколько дней она поедет в Англию к своему дяде, мистеру Крэвену, который жил в Миссельтуэйт-Мэноре, у нее был такой упрямо-равнодушный, точно окаменелый вид, поэтому они не знали, что о ней и подумать. Они пытались приласкать ее, но она отвернулась, когда миссис Кроуфорд хотела поцеловать ее, и чопорно выпрямилась, когда мистер Кроуфорд потрепал ее по плечу.

— Она такой некрасивый ребенок, — сказала после этого миссис Кроуфорд тоном сожаления. — А мать ее была так красива! И манеры у нее были такие милые, а Мери самый неприятный ребенок, которого я когда-либо видела.

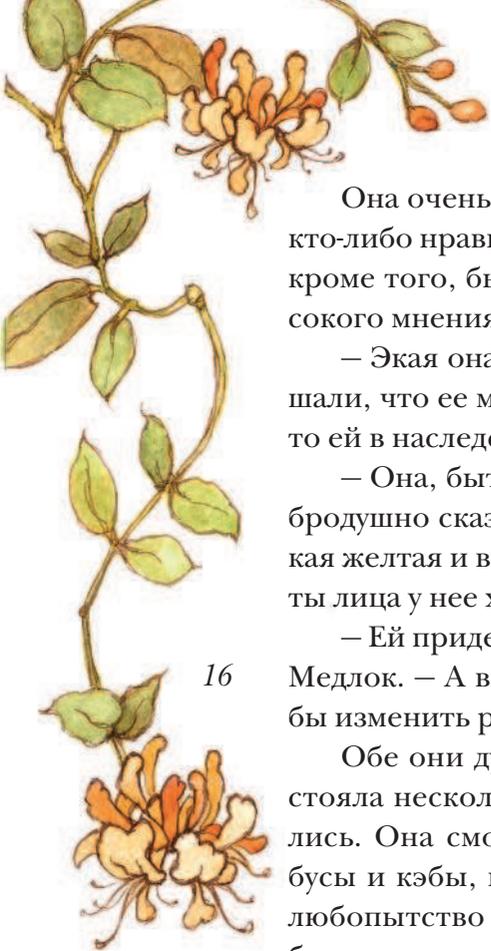
— Быть может, если бы ее мать почаще появлялась в детской, со своим красивым лицом и милыми манерами, Мери тоже могла бы перенять эти манеры. Грустно теперь вспоминать, когда бедная красавица уже умерла, очень многие во все не знали, что у нее был ребенок!

— Она, кажется, никогда не взглянула на нее, — вздохнула миссис Кроуфорд. — Когда ее айэ умерла, никто и не вспомнил о крошке. Подумай только: все слуги разбежались и оставили ее одну в пустом доме. Полковник Мак-Грю говорил мне, что был поражен, когда отворил дверь и увидел ее совершенно одну посреди комнаты.

Во время долгого переезда в Англию Мери находилась под присмотром жены одного офицера, которая везла туда своих детей, чтобы поместить их в пансион. Она была очень занята собственными детьми и очень радовалась, когда сдала Мери женщине, которую мистер Крэвен выслал в Лондон встретить ее.

Женщина эта служила экономкой в Миссельтуэйт-Мэноре, и звали ее миссис Медлок. Она была очень полная, с румяными щеками и зоркими черными глазами.

Она очень не понравилась Мери; но так как Мери редко кто-либо нравился, то в этом не было ничего удивительного; кроме того, было очевидно, что миссис Медлок тоже невысокого мнения о девочке.

— Экая она некрасивая! — сказала она. — А мы ведь слышали, что ее мать была красавица. Она, как видно, красоты-то ей в наследство не оставила, не так ли?

— Она, быть может, переменится, когда подрастет, — добродушно сказала жена офицера. — Если бы она не была такая желтая и выражение лица ее было бы поласковей. А черты лица у нее хорошие. Дети ведь так меняются!

— Ей придется измениться во многом, — ответила миссис Медлок. — А в Миссельгуэйте нет ничего такого, что могло бы изменить ребенка к лучшему, если вы спросите меня!

Обе они думали, что Мери не слушает, потому что она стояла несколько поодаль, у окна отеля, где они остановились. Она смотрела на прохожих, на проезжавшие омнибусы и кэбы, но слышала весь разговор; в ней проснулось любопытство по отношению к дяде и его жилищу. Что это был за дом и на что он был похож? Что такое горбун? Она никогда не видала горбуна; быть может, их в Индии вовсе не было.

С тех пор как она стала жить в чужих домах и у нее не было айэ, она стала чувствовать себя одинокой, и в голову ей приходили странные, совершенно новые для нее мысли.

Она думала о том, почему это она всегда была «ничья», даже когда ее отец и мать были живы. Другие дети «принадлежали» своим отцам и матерям, она же, казалось, была всем чужая. У нее были слуги, была пища и одежда, но никому не было до нее дела. Она не знала, что причиной этого было то, что она — очень неприятный ребенок; само собой разумеется, что она не знала, какая она неприятная. Она часто находила, что другие люди очень неприятны, но не подозревала, что она сама такова.

Она считала миссис Медлок самой неприятной особой, которую когда-либо видала, с ее грубым румяным лицом и